

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-560-588>

Научная статья / Research article

Персидская община во Владикавказе: механизмы сохранения этнической идентичности в инокультурной среде

З.В. Канукова^а, Б.В. Туаева^б

^аСеверо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева – филиал Владикавказского научного центра РАН –

СОИГСИ ВНЦ РАН; 362040, Россия, Владикавказ, пр. Мира, 10; z.kanukova@mail.ru

^бСеверо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова – СОГУ; 362025, Россия, Владикавказ, ул. Ватутина, 46; amaga@ru.ru

The Persian community in Vladikavkaz: preserving ethnic identity in an alien cultural environment

Zalina V. Kanukova^а, Berta V. Tuaeava^б

^аV.I. Abayev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies of the the Russian Academy of Sciences; 10 Prospect Mira, Vladikavkaz, 362040, Russian; z.kanukova@mail.ru

^бNorth Ossetian State University named after K.L. Khetagurov; 46 Vatutina St., Vladikavkaz, 362025, Russia; amaga@ru.ru

Аннотация: В представленной статье на основе архивных источников и материалов периодической печати исследована история персидской диаспоры в Осетии: определены причины миграции персов в Осетию со второй половины XIX в., особенности жизнеустройства, адаптационные процессы и механизмы внутриэтнической консолидации. Выявленные способы адаптации к экономике принимающего общества, в частности, формирование персидских национальных ниш в промышленности, ремесле, торговле, бытовом обслуживании, приобщение к новым хозяйственным формам городского образа жизни, позволяют считать этническое предпринимательство персов основой жизнеустройства диаспоры. В статье исследована созданная персидской общиной диаспорная инфраструктура, которая включала в себя персидское консульство, шиитскую мечеть, персидское новометодное училище «Навруз», благотворительное общество «Химмат» и другие учреждения. Как правило, основой внутриэтнической консолидации и сохранения национальной самобытности в инокультурном окружении становится храм, особенно когда речь идет не только об этнической, но и этноконфессиональной общности. В персидской общине основные регулятивные и коммуникационные функции выполняло консульство. Авторы приходят к выводу, что данная особенность жизнеустройства персидской общины связана с неопределенным статусом мечети, разной этнической принадлежностью ее прихожан-шиитов и конфликтной ситуацией между ними. Исследован уровень сохранности традиционной культуры, праздничной и обрядовой жизни, формы манифестации общинного поведения и связей с родиной. Выявлены механизмы инкорпорации персидской общины в об-

© Канукова З.В., Туаева Б.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

щественно-культурную среду Владикавказа, основанные на активных торгово-экономических, бытовых и других контактах с полиэтническим населением.

Ключевые слова: персы, Осетия, Владикавказ, адаптация, инфраструктура диаспоры, консульство, этнокультурная идентичность

Для цитирования: Канукова З.В., Туаева Б.В. Персидская община во Владикавказе: механизмы сохранения этнической идентичности в инокультурной среде // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2019. Т. 18. № 3. С. 560–588. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-560-588>

Abstract: On the basis of archival sources and materials taken from periodical press, the authors investigate the history of the Persian diaspora in Ossetia. The article discusses the causes of Persian migration to Ossetia, which began in the second half of the 19th century; their settlement and adaptation processes; and mechanisms of intra-ethnic consolidation. The authors identify the means Persians used to adapt to the economy of the host society, in particular by finding economic niches in industry, craft, trade, and domestic services, and analyze their integration into new economic forms of urban lifestyle. Ethnic entrepreneurship emerges as the foundation of Persian community life. The article investigates the diaspora's infrastructure, including the Persian Consulate, a Shiite mosque, the Persian school *Navruz*, the charitable society *Himmat*, and several other institutions. In general, for most minority communities the place of worship becomes the focus point of intra-ethnic consolidation and preservation of national identity, especially when the community is not simply ethnic but rather ethno-confessional. In the Persian community, however, the main regulatory and communicative functions were performed by the Consulate. The authors argue that the prominence of the Consulate resulted from the uncertain status of the mosque, from the fact that Shiite worshippers came from various nationalities, and from the conflicts among them. The authors examine the degree of preservation of traditional Persian culture in festive and ceremonial life, community behavior, and relations with the motherland. They identify how the Persian community integrated into the socio-cultural environment of poly-ethnic Vladikavkaz through trade relations, everyday contacts, and other means.

Keywords: Persians, Ossetia, adaptation to Vladikavkaz, diaspora infrastructure, Consulate, ethno-cultural identity

For citation: Kanukova, Zalina V., and Tuayeva, Berta V. "The Persian community in Vladikavkaz: preserving ethnic identity in an alien cultural environment." *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 3 (August 2019): 560–588. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-560-588>

Введение

Проведение буржуазных реформ в Терской области, освобождение зависимых сословий, включение в систему всероссийского рынка, преобразование военных крепостей в города, урбанизационные процессы, масштабная интеграция территории области в российское экономическое, социально-политическое и культурное пространство сопровождалась изменением этнического состава населения. В большей степени эти процессы разворачивались в городах, в частности во Владикавказе – центре Терской области. Миграционная политика Российской империи, войны и природные катаклизмы, низкий уровень экономики в некоторых западно-европейских и восточных районах, а также в российских губерниях привели в 1860–1870-х гг. к появлению мощных переселенческих потоков, многие из которых проходили через Владикавказ. Географическое положение нового города, потребность его экономики в людских ресурсах, наличие железной дороги, благоприятный климат притягивали мигрантов и способствовали формированию диаспорных групп персов, армян, греков, немцев, поляков, азербайджанцев, евреев, грузин.

Успешность процессов жизнеустройства, адаптации к иноэтничному и инокультурному окружению зависела от численности диаспоры, наличия контактов с исторической родиной, специфики этнического предпринимательства. Эти характеристики во многом определяли возможности сохранения этнической идентичности, с одной стороны, и уровень интеграции в экономику, общественно-политическую и культурную жизнь принимающего общества, с другой.

Феномен диаспоры привлек исследовательское внимание в 1990-х гг. в условиях постсоветской реальности: политических, социальных и экономических трансформаций, межэтнических конфликтов и сопровождавших их тотальных миграций. Активная дискуссия с участием ведущих ученых по поводу самого термина, сущностных характеристик, перспектив развития как самой диаспоры, так и методологии ее исследования, подтверждает актуальность проблемы¹.

В российской гуманитарной науке объектом этнологического, социологического, культурологического, политологического, правоведческого анализа становились главным образом современные диаспоры, вызывающие интерес в качестве своеобразных моделей этнических процессов и межэтнического взаимодействия.

Однако проблемное поле диаспоры должно включать и исторический опыт жизнеустройства диаспорных групп, которые не сохранились или сохранились в другом качестве. Сохраняя свою этническую идентичность, выстраивая позитивные межнациональные отношения, они интегрировались в принимающее общество. Все они обустривали свою жизнь на новом месте, создавая комфортную среду обитания: церковь, благотворительные общества, национальные школы, культурно-просветительские организации, осваивали свои ниши в экономике.

В процессе изучения указанных групп нами исследованы причины и история их формирования, процессы адаптации к хозяйственной, социальной и культурной среде, механизмы обеспечения этнической идентичности, сохранности традиционного образа жизни и другие вопросы. В результате проведенных исследований З.В. Кануковой предложено следующее определение: «Диаспора – это часть этноса, которая проживает вне своей исторической родины или территории обитания основного этнического массива, сохраняет этническое самосознание, культурную самобытность и создает в ходе адаптации к принимающему обществу “диаспорную инфраструктуру”, то есть совокупность конфессиональных, благотворительных, культурно-просветительских, образовательных учреждений, хозяйственных объединений, мононациональных ремесленных цехов, торговых компаний и других»². Как правило, основой жизнеустройства диаспоры становился свой храм, вокруг которого со временем формировалась диаспорная инфраструктура.

В процессах исторического и культурного взаимодействия Ирана и России во второй половине XIX – первой трети XX в. значимую роль играли персидские

¹ Тишков В.А. Единство в многообразии. Оренбург, 2008; Арутюнов С.А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 74–78; Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. № 1. С. 8–23.

² Канукова З.В. Диаспоры в Осетии: исторический опыт жизнеустройства и современное состояние. Владикавказ, 2009; Канукова З.В. Диаспора: функциональный анализ термина в российском историографическом контексте // Вестник Владикавказского научного центра. 2011. Т. 11. № 4. С. 23–28.

диаспоры Северного Кавказа. В отличие от других диаспор, персидская община Владикавказа имела существенные особенности, обусловившие специфику ее жизнеустройства в регионе.

Персидская община оказалась наименее исследованной, и на то есть свои причины. Если другие этнические группы, переживавшие в 1990-х гг. своеобразный «этнический ренессанс», инициировали изучение истории и культуры своих общин усилиями гражданских активистов, то у персов, естественно, таковых не оказалось.

Специальные исследования, посвященные персидской общине, не представляли научного интереса и потому долгие годы не проводились. К тому же такие исследования затруднены тем обстоятельством, что в российских источниках терминами «персы», «персы-шииты», «шииты» обозначали не только этнических персов, но и азербайджанцев. Ситуация осложняется еще и тем фактом, что азербайджанцы вместе с персами жили в Тавризе, и часть их вместе с персами впоследствии переселилась на Кавказ. Поэтому история «персидской общины» представлялась как единая, хотя и не была таковой. В частности, в работах, посвященных азербайджанцам, проживающим в Осетии, рассматриваются и персы, при этом не всегда корректно определяется принадлежность как отдельных лиц, так и этнических структур персидской или азербайджанской общин³. Рассматриваемая ситуация отразилась и на комплектовании некоторых архивных фондов, что еще больше затрудняет исследование персидской общины.

Некоторые вопросы истории общины персов затронуты в контексте изучения общественно-культурной среды городов Северного Кавказа. К примеру, в работах Б.В. Туаевой, посвященных национально-культурным учреждениям, рассмотрена деятельность благотворительных обществ, основанных во Владикавказе «персидско-подданными» и «русско-подданными персами»⁴. Немногочисленные, но важные сведения содержат и краеведческие работы Г.И. Кусова по Владикавказу⁵.

В новой «архитектуре» российско-иранского взаимодействия, направленного на активное вовлечение науки в решение социально-политических и гуманитарных вопросов, особое место занимают осетино-иранские отношения, имеющие стратегическое значение для укрепления межнационального и межрелигиозного мира в регионе Большого Кавказа, а также укрепления региональной безопасности. Осетию и Иран связывает историческая общность языка и культуры, общие исторические и культурные корни. Осетины являются ираноязычным народом, а осетинский язык, как и персидский (фарси), принадлежит к иранской группе индоевропейской семьи языков. Поэтому наметившееся в последние годы сотрудничество с иранскими учеными актуализировало анализ исторического опыта политических, экономических и культурных контактов народов Северного Кавказа и Ирана, в том числе изучение персидских общин на Кавказе. Новая парадигма российско-иранских от-

³ Айларов А.Э. Азербайджанцы в Республике Северная Осетия – Алания // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2014. Вып. 11. С. 216–220.

⁴ Туаева Б.В. Города Северного Кавказа: общественно-культурная среда во второй половине XIX – начале XX в. Владикавказ, 2008. (Серия «Первая монография»); Туаева Б.В. Локальная история: особенности культурной и общественной жизни городов Северного Кавказа во второй половине XIX – первой трети XX веков. Владикавказ, 2010.

⁵ Кусов Г.И. Встречи со старым Владикавказом. Владикавказ, 1998.

ношений несколько оживила интерес отечественных исследователей. Появились публикации о персидских памятниках культуры на Северном Кавказе⁶. В контексте демографических процессов конца XIX – начала XX в. исследованы группы персов, проживавших в Терской области⁷. Результаты исследований российских и иранских коллег были обсуждены в ходе международной научной конференции «Иран и Северный Кавказ: история и перспективы сотрудничества», где прошла презентация проекта совместной исследовательской программы, были предложены перспективные научные направления⁸. К числу приоритетных проектов следует отнести исследование исторических источников, в частности делопроизводственной документации Персидского консульства, которую отправляли из Владикавказа в Иран, в том числе и через Тифлис, где отложилась часть архивного материала. Иранские историки А. Калирад, К. Каземи ввели в научный оборот часть протоколов и докладов Персидского консульства, в которых отражены последствия Гражданской войны и их влияние на персидскую общину, условия пребывания дипломатических представителей и граждан Ирана во Владикавказе⁹.

В целом персидская община остается недостаточно изученной. Необходимо исследование миграционных передвижений, приведших к ее формированию в регионе, демографическая, социально-сословная, конфессиональная и профессиональная характеристики, изучение процессов адаптации к экономике и культуре, характера и результатов межэтнических контактов, места и роли персидских общин в российских общественно-политических процессах первой трети XX в.

В настоящей статье предпринята попытка изучения истории персидской общины, особенностей ее структуры и жизнеустройства. На основе выявленных источников из фондов Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания (далее – ЦГА РСО–А), материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., периодики (газеты «Терские ведомости», «Приазовский край», «Кавказ») реконструируется история формирования персидской общины, особенности ее адаптации к местной среде, способы и инструменты сохранения своей этнической культуры и характер отношений с инокультурным окружением.

⁶ Туаллагов А.А. Дарьял – «Ворота алан» // Известия СОИГСИ. 2018. № 27 (66). С. 15–29.

⁷ Хубулова С.А., Хаблшева Л.Ч., Дзотцоева З.Е., Магомедов С.С. Персидско-подданное население Терской области в социально-экономических и культурных процессах второй половины XIX – начале XX веков // Былые годы. 2018. Вып. 49 (3). С. 1224–1236.

⁸ Канукова З.В. Презентация Программы научных исследований «Иран и Российский Кавказ: исторические параллели и современные тенденции» // Иран и Северный Кавказ: история и перспективы сотрудничества: материалы Международной научно-практической конференции. Владикавказ, 2018. С. 72–75; Крючков И.В. Экономические и миграционные связи Центрального Предкавказья и Северо-Западного Кавказа с Персией в конце XIX – начале XX вв. (на примере Ставропольской губернии, Черноморской губернии и Кубанской области) // Иран и Северный Кавказ: история и перспективы сотрудничества: материалы Международной научно-практической конференции. Владикавказ, 2018. С. 62–65.

⁹ Каземи К.Ш. Исследование роли Иранского консульства во Владикавказе в создании обстановки мирного сосуществования и развитии ирано-российского сотрудничества: культурно-цивилизационные рамки // Иран и Северный Кавказ: история и перспективы сотрудничества: материалы Международной научно-практической конференции. Владикавказ, 2018. С. 68–69; Калирад А. Поднятие красных флагов: гражданская война в России в докладах Консульства Ирана во Владикавказе // Иран и Северный Кавказ: история и перспективы сотрудничества: материалы Международной научно-практической конференции. Владикавказ, 2018. С. 66–67.

Объектом исследования стала Владикавказская персидская община, основанная в 1870-х гг. персидско-подданными переселенцами из Тавриза и его окрестностей. Впервые введенные в научный оборот разрешительные документы (прошения персидско-подданных о принятии в русское подданство и прошения персидско-подданных о выдаче водворительных свидетельств) дали возможность дифференцировать «персидско-подданных» и «русско-подданных персов» и показали ошибочность практики определения этнической принадлежности по написанию фамилий, основанной на характерном для русских фамилий окончании «ов» для азербайджанцев. Многие персы со временем принимали русское подданство и меняли написание своих фамилий.

Персы-переселенцы показали успешный исторический опыт адаптации к инокультурной среде, но при этом выработали свою, отличительную от других этнических групп, форму жизнеустройства, исследование которой вносит вклад не только в изучение ее истории, но и в теорию и историю диаспорного процесса.

История формирования и хозяйственные занятия персидской общины

Экономические, военно-политические и культурные контакты народов Северного Кавказа с Персией известны на протяжении многих веков, но после присоединения региона к Российской империи и особенно после завершения Кавказской войны они обрели новое качество, обусловленное развитием торговли и появлением трудовых мигрантов из персидских земель.

В 1860–1870 гг. в Иране происходило упрочение позиций иностранного капитала, представители которого пытались провести реформу местной хозяйственной системы, вытеснив традиционное ремесленное производство фабричным, используя наемный труд в национальных акционерных компаниях и обществах. Как правило, их инициативы не имели успеха из-за отсутствия предпринимательских традиций и дефицита капитала. Это привело к трудовой миграции населения. Наряду с указанными проблемами, причиной миграции стали засуха, запущенное состояние ирригационных сооружений, большие площади невозделанных земель, распад крестьянского хозяйства, утрата возможностей заработать на жизнь для ремесленников и наемных рабочих, которые становились отходниками.

В конце 1860-х гг. переселенцы из Тавриза (персы, армяне, азербайджанцы) стали прибывать на Северный Кавказ¹⁰. Приспосабливаясь к законам принимающего общества, прежде всего традиционно строгого регламента распределения земли в условиях малоземелья, персы обосновывались в городском пространстве.

Во Владикавказ они приезжали из Тавриза целыми группами. Объясняя причины своей миграции, переселенцы указывали на инфляцию, которая приводила к падению курса персидской монетной единицы – крана (в материалах периодической печати использовалось написание «гран»). Например, в 1894 г. три крана соответствовали одному рублю, а в 1898 г. – пяти рублям. Такой денежный курс обусловил прибыльность работы: заработав сто рублей, персидский рабочий менял их по возвращении на родину на 500 кран, и эта сумма позволяла приобрести небольшой дом с земельным участком¹¹. Численность персов неуклонно увеличи-

¹⁰ Мамедли А., Соловьева Л.Т. Азербайджанцы. М., 2017. С. 644.

¹¹ Приазовский край. 1898. № 45.

валась: в 1882 г. было зафиксировано 630 мигрантов, а по официальным данным за 1903 г. число переселенцев достигло 2 тыс. человек¹².

Это была самая крупная община персов на Северном Кавказе, о чем свидетельствуют данные, приведенные И.В. Крючковым по Ставропольской и Черноморской губерниям и Кубанской области. Так, самая крупная из этих трех регионов Центрального Предкавказья и Северо-Западного Кавказа персидская община сложилась в Черноморской губернии и составляла всего 300 человек. В начале XX в. численность персидской общины в этих регионах увеличилась. К 1914 г. она составила 1390 человек в Черноморской губернии и 168 человек – в Ставропольской¹³. Очевидно, аграрный характер и небольшое число городов снижали привлекательность этих территорий для персов, поэтому общины состояли преимущественно из мужчин среднего возраста и молодых людей – трудовых мигрантов, прибывавших без семей. Во Владикавказ первое время на заработки также прибывали только мужчины¹⁴, но в последующие годы численность общины увеличилась за счет женского и детского населения. В конце XIX – начале XX в. персы стали приезжать во Владикавказ со своими семьями, о чем свидетельствуют сохранившиеся в архивах водворительные свидетельства, выдаваемые для всех членов семьи¹⁵.

Во Владикавказе персы осваивали свободные ниши – торговлю, ремесленные промыслы, посредничество, бытовое обслуживание.

Согласно материалам Первой Всероссийской переписи населения, среди персов было много рабочих-строителей, которые могли производить кирпич и строить дома, а также сапожников, пекарей, мелких торговцев¹⁶. «Персидской» нишей в системе городского обслуживания стали бани, где они демонстрировали искусство «терщиков» и парикмахеров¹⁷. Среди персов встречались владельцы кирпичных заводов и крупных магазинов.

В ЦГА РСО–А отложились прошения персидско-подданных о принятии русского подданства и о выдаче водворительных документов. Форма прошений персидско-подданных предусматривала обязательное указание на вид хозяйственной деятельности, которым занимается подавший прошение. Этот источник позволяет извлечь из сохранившихся документов персидско-подданных информацию о видах их деятельности. Например, в прошениях персидско-подданных за 1908–1911 гг. Мирзы Хусейна Али-оглы, Мамеда Исмаил Хаджи Абдул-Али оглы, Асадулы Агаджанова, Джабар Афрасиаба-оглы, Мамед Ибрагима Мамед Хусейн-оглы, Хаджи Ага Хаджи-Магомед Хусейн-оглы, Мухтара Вали-оглы указано, что они занимаются торговлей, большей частью бакалейной¹⁸. В прошении Али Мамеда

¹² Канукова З.В. Диаспоры в Осетии... С. 114.

¹³ Крючков И.В. Экономические и миграционные связи... С. 62.

¹⁴ ЦГА РСО–А (Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания). Ф. 11. Оп. 17. Д. 98. Л. 11.

¹⁵ Там же. Оп. 15. Д. 887. Л. 43.

¹⁶ Тройницкий Н.А. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Терская область. Т. 68. СПб., 1905.

¹⁷ Терские ведомости. 1896. № 5.

¹⁸ ЦГА РСО–А. Ф. 11. Оп. 15. Д. 919. Л. 1; Д. 920. Л. 1; Д. 887. Л. 1; Д. 888. Л. 1; Д. 1416. Л. 1; Д. 1417. Л. 1; Д. 1191. Л. 1.

Таги-оглы в качестве вида деятельности была указана выделка и продажа детских игрушек, Машади Ахмеда Али Аскар-оглы – пчеловодство, в документах Хусейна Кули Решед-оглы указано, что он служил банщиком¹⁹. Другие источники подтверждают, что персы занимались разведением фруктовых садов и торговлей фруктами на базаре, готовили и продавали национальные кондитерские изделия.

В 1877 г. во Владикавказе отмечено наличие 15 персидских торговых заведений²⁰. Около трети подавших прошения о водворении и принятии русского подданства в период с 1908 по 1915 гг. имели персидские магазины и кирпичные заводы во Владикавказе²¹. О наличии бакалейных персидских лавок, монопольной торговли сахаром, сладостями, пряностями и сухофруктами, наличии чайных и харчевен неоднократно писали и местные газеты²². Во Владикавказе был основан Персидский дом, в котором располагался центр женского ремесла, цех по изготовлению престижно-знакового предмета культуры – персидских ковров. Ковры и ткани привозили в том числе на продажу.

Разнородная по социальному составу персидская община, представленная крестьянами, ремесленниками, разорившейся знатью, крупными торговцами и «кирпичными» магнатами, приобщалась к городской экономике и культуре, к новому образу жизни.

Шиитская мечеть во Владикавказе

Механизм структурирования всех диаспорных этнических групп был одинаковым: в начале адаптационного периода строился храм (церковь, мечеть, синагога, кирха, костел или молитвенный дом), затем при храме появлялись национальная школа, попечительское или благотворительное общество, театральный кружок и другие формы внутриэтнической коммуникации, сконцентрированные вокруг храма.

В персидской общине адаптационные процессы происходили иначе. Строительство своего религиозного храма – шиитской мечети – было одной из первых акций в адаптационном процессе персов. Как и другие этнические общины Владикавказа, они ходатайствовали в 1868 г. перед начальником Терской области графом М.Т. Лорис-Меликовым и владикавказским городским головой Е.Ф. Лебедевым о безвозмездном наделении земельным участком и разрешении построить на нем мечеть, чтобы иметь возможность «на своем родном языке молиться Богу». Как следует из Обращения Вице-Консула Его Императорского Величества Шаха Персидского Терской и Дагестанской областей Яхья-хана на имя Начальника Терской области Наказного Атамана Терской области Сергея Евлампиевича Толстого, датированного 8 февраля 1900 г., не ранее 1870 г. начальником Терской области графом Лорис-Меликовым было дано разрешение на строительство мечети²³. Данный факт подтверждается и другими архивными документами, в которых

¹⁹ ЦГА РСО–А. Ф. 11. Оп. 15. Д. 1119. Л. 2; Д. 1252. Л. 1; Д. 1189. Л. 2.

²⁰ *Кусов Г.И.* Встречи со старым Владикавказом... С. 75.

²¹ ЦГА РСО–А. Ф. 11. Оп. 15. Д. 1209. Л. 2; Д. 1419. Л. 1–2; Д. 141. Л. 2; Д. 1424. Л. 2–3.

²² Терские ведомости. 1909. № 5.

²³ ЦГА РСО–А. Ф. 11. Оп. 17. Д. 98. Л. 8.

городской голова А.Ф. Фролков указывал, что это было сделано по распоряжению М.Т. Лорис-Меликова в 1868–1869 гг.²⁴

Шиитская мечеть была построена, но она не стала национальным центром общины, потому что ее прихожанами оказались и другие шииты, «русско-подданные персы» – азербайджанцы. Мусульманское духовенство шиитского учения относилось к Оренбургскому духовному собранию, которое не могло осуществлять управление на столь далеком расстоянии. Поэтому российская администрация подчинила его Министерству внутренних дел, а областная администрация считала целесообразным собрать все шиитское население Владикавказа, персов и азербайджанцев, в одной мечети. Приход подчинялся Закавказскому шейх-уль-исламу, мулла избирался по Уставу духовных дел иностранного исповедания, но утверждался начальником Терской области.

Это решение было политическим: российская администрация считала необходимым держать под своим контролем деятельность мусульманского духовенства Северного Кавказа, что подтверждается официальными документами²⁵. Конфессиональная политика российского правительства не учитывала этнокультурных особенностей прихожан, и в результате такое объединение привело к расколу. Азербайджанцы жаловались на большие неудобства в исполнении религиозных обрядов: персидский мулла не знал их языка, не мог вести метрических книг, не совершал обрядов. Они просили образовать свой приход при мечети с муллой, знающим их язык и обычаи. На общеприходском собрании, где присутствовало 58 азербайджанцев и 148 персов, был образован один приход и избран мулла-азербайджанец из Елизаветпольской губернии Гаджи Мулла Исмаил Гасан-оглы. Под давлением городской администрации с этим решением согласились все присутствующие прихожане²⁶. Но уже через год, в мае 1902 г., проявилось протестное настроение персов, которые перестали платить деньги на содержание муллы и поставили вопрос о строительстве другой мечети. Персы отстаивали свои права как основатели и попечители мечети, к тому же составлявшие большинство прихода: по своей численности они превосходили азербайджанцев в несколько раз. Своей законной привилегией персы считали право на выбор муллы-перса, способного проводить молитвы на родном языке.

Рассмотренная ситуация показывает, что в условиях диаспоры храм выполняет не только и не столько культовые функции, сколько функцию центра внутри-этнической коммуникации и сохранения этнической идентичности. Для персов было важно проводить досуг в мечети со своими земляками, общаться на родном языке. Ради этого они были готовы на большие материальные расходы, чтобы построить еще одну мечеть или иметь второй приход со своим муллой.

Для персидской общины Владикавказа центром консолидации стала не мечеть, а Персидское консульство, и это обстоятельство составляет специфику ее жизнеустройства.

---

²⁴ ЦГА РСФСР–А. Л. 11.

²⁵ Там же. Л. 6.

²⁶ Там же. Л. 2.

Персидское консульство во Владикавказе

Консульским службам вменялось в обязанность обеспечение разнообразных контактов между Россией и Персией, в том числе опека подданных своего государства. Первое время эти функции в отношении прибывших во Владикавказ персов выполняли Генеральное Консульство Его Величества Шаха Персидского в г. Тифлисе и Консульство Его Величества Шаха Персидского в Астрахани. Вице-консулом стал Яхья-хан. Но в конце 1890-х гг. увеличение численности персидского населения предопределило необходимость создания Консульства Его Императорского Величества Шаха Персидского Терской и Дагестанской областей с местом пребывания в г. Владикавказе.

Если в других этнических группах Владикавказа вся жизнь диаспоры была сконцентрирована вокруг храма, то инфраструктура персидской общины формировалась усилиями консульства.

Так, стараниями Вице-Консула Его Императорского Величества Шаха Персидского Терской и Дагестанской областей Мирза Давуд-хана во Владикавказе было открыто единственное на Северном Кавказе персидское училище. В июле 1902 г. он ходатайствовал перед начальником Терской области и наказным атаманом Терского казачьего войска, выражая озабоченность отсутствием условий для обучения персидских детей, просил разрешения открыть русско-персидскую школу при вице-консульстве и брал на себя ответственность за ее содержание²⁷.

Высокий авторитет консула, его добрые отношения с начальством Терской области и ответственность за финансовую составляющую предопределили успех этой инициативы. В конце 1902 г. было открыто двухклассное новометодное училище «Навруз». Такие модернизированные мусульманские школы распространились в российских исламских регионах в ходе реформационного движения Исмаил-бей Гаспринского и отличались от традиционных медресе и мектебов изучением, наряду с основами магометанского вероучения, светских учебных дисциплин (арифметики, естествознания, русского и некоторых иностранных языков). В «Наврузе» обучались только дети мужского пола. Преподавание велось на русском и персидском языках. Давуд-хан был почетным смотрителем училища, контролировал финансовое обеспечение его жизнедеятельности. Законоучителем долгие годы работал Гаджи Мола Али Гаджи Магомед Али Заде, получивший духовное образование в Тавризе. Преподавателем родного языка был персидско-подданный Мурза Хусейн-хан. Заведующим училища «Навруз» с 1906 по 1912 гг. был учитель Багадин-Бахиш-бек Кочарлинский²⁸.

По инициативе Давуд-хана в 1907 г. было основано Общество пособия бедным персидско-подданным в городе Владикавказе и Терской области «Химмат» с целью «доставления средств к улучшению материального и нравственного состояния бедных персидско-подданных без различия пола, возраста, звания, состояния и вероисповедания». Общество брало на себя обязательства по оказанию помощи бедным и сиротам в таких конкретных формах, как снабжение одеждой, пищей, жи-

²⁷ ЦГА РСО–А. Ф. 147. Оп. 1. Д. 41. Л. 3.

²⁸ Там же. Ф. 123. Оп. 2. Д. 538.

льем; предусматривалась также выдача денежных пособий. Устав общества предусматривал «содействие к приисканию нуждающимся занятий или службы, к приобретению им для работы материалов и инструментов и к выгодному сбыту изделий бедных тружеников»²⁹. Общество «Химмат» гарантировало обеспечение больных медицинскими пособиями, «оплату лечения в больницах, содействие в погребении умерших, определение престарелых и немощных в богадельни, дома призрения, малолетних – в сиротские дома, приюты, убежища, в ремесленные и учебные заведения»³⁰. Желаящие вернуться на родину также могли рассчитывать на помощь соотечественников. Кроме благотворительных взносов, бюджет общества включал в себя доходы от организации литературных чтений, лекций и концертов.

Этнические структуры повседневности

Созданная инфраструктура позволяла персам вести традиционную обрядовую жизнь и сохранять этнические традиции в повседневной жизни. Мужчины-персы носили архалук, шальвары, бурки, войлочные шапки, овчинные папахи. Многие мужчины сохраняли традицию окрашивания бород хной в огненно-рыжий цвет³¹.

Женщины-персиянки также сохраняли традиционную одежду. Они носили объемные длинные юбки, архалук, бархатные куртки, расшитые галунами. В домашнем интерьере преобладали ковры, кувшины, национальная посуда. Главным ритуальным блюдом персов был плов нескольких разновидностей: с мясом, изюмом, курагой и различными специями; сладкий с корицей и шафраном. Популярным напитком был щербет, который готовили к праздничным дням. В больших количествах персы заготавливали халву, лукум и другие сладости, которые из национальной кухни распространились на систему общественного городского питания.

Согласно имеющимся источникам особенно ярко проявляется национальная праздничная культура персов, главным событием в которой был Навруз – Новый год – главное торжество времен Ахеменидов и Сасанидов. Несмотря на доисламские, а точнее зороастрийские корни этого праздника, со временем он укоренился в мусульманском праздничном календаре. После утверждения ислама власти первое время пытались запрещать его проведение, но подобные запреты редко были осуществимы, поскольку речь шла о традиции, глубоко погруженной в культуру народа.

Владикавказские персы отмечали этот праздник в течение трех дней. В первый день проходили официальные праздничные церемонии. Люди собирались в мечети для совершения праздничного намаза, затем посещали Персидское консульство, где проводился торжественный прием. После общественного намаза персы устраивали шествие с национальной музыкой и цветами, процессию украшали значки персидских ремесленных цехов.

Вице-консул в сопровождении чиновников консульства выходил навстречу праздничной колонне и принимал поздравления. Его обязанностью было напо-

²⁹ ЦГА РСФСР–А. Ф. 199. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.

³⁰ Там же. Д. 27. Л. 1–4.

³¹ Бетоева М.Д., Бирюкова Л.Д. История Владикавказа (1781–1990 гг.): сборник документов и материалов. Владикавказ, 1991. С. 98.

нить присутствующим историю праздника. Например, в 1903 г. вице-консул Давуд-хан рассказал присутствующим, что персидский царь Ржамшид решил принести благодарение за победы и учредил ежегодный праздничный день во дворце, куда могли явиться все желающие, в том числе и неимущие. Царь садился в этот день за один стол с простыми людьми, одаривал деньгами и подарками каждого присутствующего, расспрашивал о проблемах и помогал бедным людям. От своих подданных – чиновников высокого ранга, начальников областей – он требовал проводить такие же праздничные обеды и выделял им определенные суммы для помощи бедным. Традиция приглашать на праздничное застолье бедных и неимущих сохранялась очень долго и со временем приобретала новые формы благотворительности. Встреча с консулом заканчивалась исполнением персидского гимна, всех собравшихся угощали традиционным напитком – щербетом. Однако на праздничное застолье в квартиру вице-консула во Владикавказе, как правило, приглашались только почетные гости, которых по традиции потчевали национальными сладостями³². В праздничные дни было принято взаимное гостевание, дарообмен и благотворительные мероприятия.

Кроме официальной части праздника, была предусмотрена и домашняя, к которой персы готовились заблаговременно. Наряду с традиционными праздничными блюдами, в каждом доме обязательно готовили своеобразный «натюр-морт» – проросшие пшеничные зерна на красивой тарелке, украшенной лентами и тесьмой. Этот предмет символизировал наступление нового года. Начиналось застолье с молитвы, обязательно вспоминали и оглашали поименно близких людей, ушедших в иной мир. Важным праздничным мотивом было миротворчество, взаимное прощение обид.

Персы отмечали и другой важный праздник – Курбан-байрам, «Ид аль-курбан», который считался главным торжеством у всех мусульман-суннитов и шиитов и отмечался в месяц зуль-хиджа (12-й месяц мусульманского лунного календаря). Праздник жертвоприношения, установленный в первом году хиджры и связанный с известным мусульманским преданием об испытании Всевышним пророка Ибрахима смертью его сына Исмаила и замене его казни на жертвоприношение, сопровождался обрядом жертвоприношения и совершением намаза. Персы-владикавказцы соблюдали обычай раздавать угощение, прежде всего мясо жертвенного животного, родственникам, знакомым и просто нуждающимся. Сохранялись традиции взаимного дарообмена и гостевания, посещение могил родственников.

Особую значимость в культуре персов имел культовый траурный день в память о гибели Али и его сыновей Хасана и Хусейна, который отмечали в первый месяц года по мусульманскому лунному календарю. Официальные мероприятия курировало персидское консульство, в шиитской мечети проходила общественная молитва. В ночь персы молились, вспоминали историю Али, Хасана и Хусейна, подробности их трагической смерти³³.

Сохранение и манифестация этнической идентичности, связей с исторической родиной прослеживаются не только в религиозных, но и в светских нацио-

³² Кавказ. 1903. № 76; Терские ведомости. 1898. № 31.

³³ Терские ведомости. 1885. № 18.

нальных праздниках, связанных с историей государства. В июле 1914 г. персы праздновали день вступления на престол Султан-Ахмед-шаха – правителя Персии. В мечети, украшенной национальными флагами, проходил торжественный намаз, после которого участники церемонии приглашались в консульство на обед. Для персов-тружеников устраивали празднование Дня коронации³⁴.

Персы во Владикавказе отмечали также День дарованных свобод. Массовые протестные акции в Иране, многочисленная оппозиция, включавшая практически все слои населения, опасение влияния революционных событий в России в начале XX в. не оставили выбора шаху Мозаффер-эд-дину. Он вынужден был собрать меджлис и принять конституцию, в которой были прописаны основные права и свободы граждан Ирана.

В этот день в персидской мечети устраивались официальные приемы, в которых принимали участие не только персы, но и представители многонациональной интеллигенции Владикавказа. С приветствиями являлись представители Владикавказского общественного управления, Владикавказского студенческого общества и других общественных организаций, выступали патриотично настроенные персы-студенты³⁵.

Празднование дней дарования конституции, коронации персидских правителей и других значимых событий свидетельствует о наличии тесных контактов персов с родиной, что является классическим признаком диаспоры.

Персы сохраняли традиционную обрядность семейного цикла, связанную с рождением ребенка. После рождения ребенка женщина уходила в родительский дом на срок до 40 дней, в течение которых ребенка не показывали посторонним лицам; по истечении указанного срока совершался обряд жертвоприношения, приглашались гости.

Сохранялись и свадебные обряды. За невестой приезжали родственники жениха, привозили свадебные дары, среди которых обязательными были сахар и наряд для невесты. Брат жениха совершал обряд завязывания на талии невесты красного пояса. В мечети мулла читал молитву-благословение, после чего свадьба продолжалась в доме жениха. У входа в дом жениха вновь совершался обряд жертвоприношения, и невеста должна была перешагнуть через жертвенного барашка. Невеста по традиции сидела за женским столом, жених – со своими друзьями. Утром после свадьбы родственники невесты приносили в дом жениха традиционные сладости.

Погребальный обряд был мусульманским. Покойного хоронили до захода солнца, укладывая на правый бок. Поминальным днем был четверг, на столах не было спиртного, застолье завершалось ритуальным чаепитием и молитвами.

Взаимодействие персов с инокультурным окружением

Несмотря на сохранность многих элементов традиционной культуры и выраженную этническую идентичность в инокультурном и иноконфессиональном окружении, персидская община не была замкнутым сообществом. Активная предпринимательская деятельность персов предопределила широкие контакты с мест-

³⁴ Терские ведомости. 1885. № 30.

³⁵ Там же. 1899. № 59; ЦГА РСФСР–А. Ф. 212. Оп. 1. Д. 3. Л. 11–12.

ным населением. Они интегрировались в атмосферу веротерпимости, установившуюся во Владикавказе, вступали не только в торгово-хозяйственные контакты, но и заключали браки с местным населением. Сам Вице-Консул Его Императорского Величества Шаха Персидского Терской и Дагестанской областей Давуд-хан был женат на представительнице осетинской мусульманской знати Азе Тугановой³⁶.

Персы активно участвовали в благотворительной деятельности. В финансовых отчетах Владикавказского благотворительного общества указывались имена жертвователей, среди которых значились целые группы персидско-подданных³⁷.

Персы были открыты к межэтническому общению, не замыкались в своей общине, не были фанатичными адептами шиитской веры. Известны случаи их перехода в православие. Сохранилась переписка владикавказского городского полицмейстера с благочинным Владикавказской Спасо-Преображенской (Кафедральной) церкви, датированная ноябрем-декабром 1865 г., по прошению проживающего в г. Владикавказе персидско-подданного Кадр Расул оглы Соухбалашского о принятии православия. По резолюции протоиерея Федора Антониева обряд крещения с наречением его Константином был произведен «знающим восточные языки протоиереем Аксо Колиевым, благочинным осетинской Рождества Пресвятой Богородицы церкви г. Владикавказа»³⁸. В прошении персидско-подданного Аликпера-Курбан Али-оглы о выдаче ему водворительного свидетельства от 27 июня 1913 г. указано его православное вероисповедание и данное при крещении имя – Алексей³⁹. Аналогичные случаи зафиксированы и в других округах Терской области. Например, в Рапорте Начальника Кумыкского Округа на имя Начальника Терской Области от 2 февраля 1868 г. указано, что персидско-подданный Агаджама-Хаджи-Ираза-Оглы, проживавший в Хасавюрте, изъявил желание принять православие⁴⁰. Возможно, такие эпизоды, как и случаи принятия персами русских фамилий⁴¹, следует рассматривать с точки зрения адаптации или приспособления к новой жизни, в качестве рационального варианта решения каких-либо насущных задач.

В первые десятилетия советской власти политика в отношении нацменьшинств была вполне благоприятной. В условиях НЭПа оживилась предпринимательская деятельность, наметилась адаптация к новому политическому режиму через такие структуры, как национальные партийные секции, нацменклубы. В последующие годы политика поменялась, многие диаспоры стали объектами репрессивных практик. Персидское консульство было ликвидировано. Большая часть персов покинула Россию, остальные консолидировались с азербайджанцами. Шиитская мечеть во Владикавказе была закрыта Совнаркомом Северо-Осетинской АССР на основании Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях». Горсовет поддержал это решение, ссылаясь на раскол шиитской общины по этническому принципу⁴². Но другие диаспорные

³⁶ ЦГА РСО–А. Ф. 574. Оп. 1. Д. 314.

³⁷ Там же. Ф. 212. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

³⁸ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 201. Л. 1–1 об., 3–3 об.

³⁹ Там же. Ф. 11. Оп. 15. Д. 911. Л. 2.

⁴⁰ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 12. Л. 25–29.

⁴¹ Там же. Ф. 11. Оп. 15. Д. 1418.

⁴² Там же. Ф. 629. Оп. 2. Д. 32. Л. 45.

структуры сохранялись еще какое-то время. До 1935 г. во Владикавказе функционировала школа с преподаванием на родном языке, в 1935–1936 гг. – азербайджанский нацменклуб и азербайджанская партсекция, в которых были задействованы и персы.

Выводы

Деятельность созданных владикавказской общиной персов и тесно связанных между собой общими задачами интеграции в инокультурную среду религиозно-культурных, образовательных, благотворительных, хозяйственных организаций и учреждений была направлена на консолидацию общины, сохранение этнической идентичности, позитивное межэтническое взаимодействие, обеспечение материального и социального благополучия общинников, передачу этнокультурных ценностей молодому поколению.

У всех крупных национальных общин Владикавказа были сформированы диаспорные структуры по схеме: храм – школа – благотворительные и культурно-просветительские общества. У персов она отличалась наличием еще одного важного института – консульства, выполнявшего кроме своих непосредственных задач, регулятивную и коммуникативную функции.

Несмотря на то, что персы представляли не только этническую, но и этноконфессиональную общность, главной составляющей общинной инфраструктуры была не мечеть, а именно консульство. Конфессиональная община персов-шиитов (персов и азербайджанцев), которая воспринималась окружающим миром как единая, оказалась расколотой, ее члены не желали обслуживаться в одной мечети, требовали организации второго прихода или строительства второй мечети, одновременно создали два разных благотворительных общества. Для персов и азербайджанцев важнее оказалось национальное, а не религиозное начало, поэтому в результате каждая из общин создавала свои институты внутриэтнической консолидации. Выявленная особенность персидской общины подтверждает, что в условиях иноэтнического окружения национальный храм необходим как центр коммуникации, и если он по каким-либо причинам не может выполнять эту функцию, она может переходить к другим институтам диаспоры.

В истории Осетии персидская община оставила свой след, и до сих пор город Владикавказ украшает красивейшее здание восточной архитектуры, сохраненное в советское время под планетарий. Старожилы также помнят персидскую баню, место расположения персидского консульства, где проходили национальные праздники этого народа.

Изучение исторического опыта жизнеустройства, социально-культурных практик и поведенческих стратегий персидского населения Владикавказа позволяет сделать вывод об его успешной адаптации к принимающему обществу, формировании синергетических механизмов жизнеустройства, обеспечивших сохранность этнокультурной идентичности.

ENG

Introduction

In the 1860s and 1870s, Vladikavkaz, a city founded as a fortress less than one hundred years before, became a magnet for migrants from diverse parts of Europe and southwestern Asia. Persians, Armenians, Greeks, Germans, Poles, Azerbaijanis, Jews, and Georgians were attracted by the favorable climate, cheap food, recently completed railway links, and economic possibilities in the city, the regional center of the Terek region, which was undergoing rapid development and had become integrated into the all-Russian market and cultural space as never before. The various diasporas' success in planting their community in Vladikavkaz and in adapting to a different ethnic and cultural environment depended on their numerical strength, on their ability to maintain contact with the historical homeland, and on the specifics of ethnic entrepreneurship. These characteristics to a great extent determined both their ability to preserve their ethnic identity and the degree to which they integrated into the economy, socio-political and cultural life of the Russian host society.

The diaspora phenomenon attracted scholarly attention in the 1990s in the context of the post-Soviet environment, with its political, social and economic transformations and inter-ethnic conflicts, and the mass migrations that accompanied them. Today, active discussions, with the participation of leading scholars, about the term *diaspora*, its essential characteristics, and the prospects for the development both of diasporas themselves and of research methodologies for studying them, confirm the continuing relevance of this topic.¹

Within Russian humanities, ethnological, sociological, cultural, political, and legal analysis has mainly focused on present-day diasporas, which are taken as models of ethnic processes and multi-ethnic interaction. However, diaspora studies should include the historical life experience of diaspora groups that have not survived or have survived in a different capacity. These groups were integrated into a host society while retaining their ethnic identity and building positive interethnic relations with other communities. All of them arranged their lives in a new place, creating a sustainable living environment through their own religious centers, charitable societies, national schools, cultural and educational organization, and businesses.

In the process of studying these groups, we have examined the causes and history of their formation, the processes of adaptation to the economic, social and cultural environment, the mechanisms of ensuring ethnic identity, preservation of traditional lifestyles, and other issues. As a result of this research, Z.V. Kanukova has proposed the following definition of the term *diaspora*:

Diaspora is a part of an ethnic group living outside of its historical homeland or the territory of the main ethnic group, while retaining its ethnic and cultural identity, and in the course of adapting to a host society, creating a 'diaspora infrastructure', i.e. a set of religious, charitable, cultural and educational institutions, economic associations, mononational craft guilds, trading companies, etc.²

¹ V.A. Tishkov, *Yedinstvo v mnogoobrazii* (Orenburg: OGAU Publ., 2008); S.A. Arutyunov, "Diaspora – eto protsess," *Etнографическое обозрение*, no. 2 (2000): 74–78; V. Dyatlov, "Diaspora: попытка определить'sya v ponyatiyakh," *Diaspory. Nezavisimyy nauchnyy zhurnal*, no. 1 (1999): 8–23.

² Z.V. Kanukova, *Diaspory v Osetii: istoricheskiy opyt zhizneustroystva i sovremennoye sostoyaniye* (Vladikavkaz: SOIGSI VNTS RAN Publ., 2009); Z.V. Kanukova, "Diaspora: funktsional'nyy analiz termina v rossiyskom istoriograficheskom kontekste," *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra* 11, no. 4 (2011): 23–28.

As a rule, a temple or a religious building would gradually become the basis of daily life, with a community eventually emerging around it.

The Persian community has attracted less scholarly attention than others for a number of reasons. While other ethnic groups that experienced a kind of ‘ethnic Renaissance’ in the 1990s initiated the study of their communities’ history and culture through the efforts of civic activists, this was not the case with Persians. Special studies on the Persian community seemed to have little scholarly relevance and were not carried out for many years. Moreover, such studies are hindered by the fact that in Russian sources the terms *Persians*, *Shia Persians*, *Shiites* cover not only ethnic Persians, but also Azerbaijanis. The situation is complicated by the fact that Azerbaijanis lived in Tabriz alongside Persians, and some of them moved to the Caucasus together with Persians. Therefore, the history of the *Persian community* was presented as uniform, although it was not. As an example, Persians are included in works devoted to Azerbaijanis living in Ossetia, often without correctly indicating the affiliation of individuals and ethnic structures with the Azerbaijani or Persian community.³ This situation was also reflected in archival classification, which makes the study of the Persian community all the more complicated. Our research into applications for the Russian citizenship and *vodvoritel'nye svidetel'stva* (placement certificates) filed by Persian nationals enable us to differentiate between ‘Persian nationals’ and ‘Persian citizens of Russia’ for the first time and to demonstrate the fallacy of identifying ethnicity on the basis of surnames. Although Azerbaijanis often adopted Russian surnames ending with ‘ov,’ over time, many Persians acquired Russian citizenship and changed the spelling of their surnames.

A recent spur to historical research on the Persian diaspora of the North Caucasus has been the strengthening of Russian ties with Iran. In the context of the new ‘architecture’ of Russian-Iranian relations, Ossetian-Iranian relations have assumed special strategic importance. Ossetia and Iran are connected by common historical and cultural roots and distantly related languages: Ossetian, like Persian (Farsi), belongs to the Iranian branch of the Indo-European language family. Russian-Iranian scholarly collaboration in the humanities and social sciences has revived the interest of Russian researchers and attracted new attention to historical contacts between the peoples of the North Caucasus and Iran, including the Persian diaspora of the North Caucasus, which played a significant role in the processes of historical and cultural interaction between Iran and Russia in the late 19th and early 20th centuries. New publications treat Persian cultural monuments in the North Caucasus⁴ and the Persian community of the Terek region in the context of the demographic processes of the late 19th and early 20th century.⁵ An international scientific conference *Iran and the North Caucasus: History and Prospects for Cooperation*, brought together Russian and Iranian researchers and featured

---

³ A.E. Aylarov, “Azerbaydzhantsy v Respublike Severnaya Osetiya-Alaniya,” *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh* 11 (2014): 216–220.

⁴ A.A. Tuallagov, “Dar’yal – ‘Vorota alan’,” *Izvestiya SOIGSI*, no. 27 (66) (2018): 15–29.

⁵ S.A. Khubulova, L.Ch. Khabliyeva, Z.Ye. Dzotsoyeva, and S.S. Magomadov, “Persian nationals living in the Terek region in the socio-economic and cultural processes of the second half of XIX century through the early XX century,” *Bylye gody* 49, no. 3 (2018): 1224–1236.

a presentation on the joint project program and on promising research areas.⁶ Among high priority projects, the study of historical sources merits mention, especially the records of the Persian Consulate, which were sent from Vladikavkaz to Iran via Tiflis, where part of the archival record is now lodged. Some of the protocols and reports of the Persian Consulate, concerning the consequences of the Russian Civil War, its impact on the Persian community, and the living and working conditions of diplomatic missions and citizens of Iran in Vladikavkaz, have recently been introduced to the wider scholarly community by Iranian historians A. Kalirad and K. Kazemi.⁷

Along with this collaborative research program, some aspects of the history of the Persian community are treated in studies of the socio-cultural environment of North Caucasian cities. B.V. Tuayeva's studies of national cultural institutions discuss the activities of charitable societies founded in Vladikavkaz by 'Persian nationals' and 'Persian citizens of Russia.'⁸ Further valuable information, though not extensive, can be found in G.I. Kusov's works on the local history of Vladikavkaz.⁹ Still, in general, the Persian community remains under-investigated. Important questions remain concerning the migrations that led to its formation in the region; demographic, socio-class, religious and professional characteristics; the processes of its adaptation to the economy and culture; the nature and results of interethnic contacts; and the place and role of Persian communities in Russian socio-political processes of the first third of the 20th century. This article utilizes sources from the Central State Archive of the Republic of North Ossetia – Alania (hereinafter CSA RNO–A), the 1897 Russian Census, and the newspapers *The Terek Vedomosti*, *The Azov Region*, and *The Caucasus* to investigate the formation of the Persian community in Vladikavkaz and the distinctive features of its structure and daily life, with particular emphasis on the way Persians adapted to the local environment, the methods and tools they used to preserve their ethnic culture, and the nature of this diaspora community's relations with the alien cultural environment.

---

⁶ Z.V. Kanukova, "Prezentatsiya Programmy nauchnykh issledovaniy 'Iran i Rossiyskiy Kavkaz: istoricheskiye paralleli i sovremennyye tendentsii'," in *Iran i Severnyy Kavkaz: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Vladikavkaz: SOGU Publ., 2018), 72–75; I.V. Kryuchkov, "Ekonomichekkiye i migratsionnyye svyazi Tsentral'nogo Predkavkaz'ya i Severo-Zapadnogo Kavkaza s Persiyey v kontse XIX – nachale XX vv. (na primere Stavropol'skoy gubernii, Chernomorskoy gubernii i Kubanskoy oblasti)," in *Iran i Severnyy Kavkaz: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Vladikavkaz: SOGU Publ., 2018): 62–65.

⁷ K.Sh. Kazemi, "Issledovaniye roli Iranskogo konsul'stva vo Vladikavkaze v sozdanii obstanovki mirnogo sosushchestvovaniya i razvitiya irano-rossiyskogo sotrudnichestva: kul'turno-tsivilizatsionnyye ramki," in *Iran i Severnyy Kavkaz: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Vladikavkaz: SOGU Publ., 2018), 68–69; A. Kalirad, "Podnyatiye krasnykh flagov: grazhdanskaya voyna v Rossii v dokladakh Konsul'stva Irana vo Vladikavkaze," in *Iran i Severnyy Kavkaz: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Vladikavkaz: SOGU Publ., 2018), 66–67.

⁸ B.V. Tuayeva, *Goroda Severnogo Kavkaza: obshchestvenno-kul'turnaya sreda vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. Seriya "Pervaya monografiya"* (Vladikavkaz: SOIGSI Publ., 2008); B.V. Tuayeva, *Lokal'naya istoriya: osobennosti kul'turnoy i obshchestvennoy zhizni gorodov Severnogo Kavkaza vo vtoroy polovine XIX – pervoy trety XX vekov* (Vladikavkaz: SOIGSI Publ., 2010).

⁹ G.I. Kusov, *Vstrechi so starym Vladikavkazom* (Vladikavkaz: Alaniya Publ., 1998).

The formation of the Persian community and its economic activities

There were economic, military-political and cultural contacts between the peoples of the North Caucasus and Persia for many centuries, but after the region's accession to the Russian Empire, and especially after the end of the Caucasian War, these contacts acquired a new quality due to the development of trade and the emergence of labor migrants from Persian lands.

In the 1860s–1870s in Iran, the position of foreign capital grew stronger and foreign representatives tried to carry out a reform of the local economic system, forced out traditional handicraft production through factory production, utilizing hired labor through national joint-stock companies and societies. As a rule, their initiatives failed due to the lack of entrepreneurial traditions and capital. This led to labor migration. Along with these problems, migration was caused by drought, neglected condition of irrigation facilities, ill cultivation of large areas of land, collapse of peasant economy, and lost opportunities to earn a living for artisans and seasonal workers.

In the late 1860s, settlers from Tabriz (Persians, Armenians, and Azerbaijanis)¹⁰ began to arrive in the North Caucasus. The strict legal regulations concerning the purchase and acquisition of land, linked to land scarcity in the region, led Persians to settle in towns. They came to Vladikavkaz in groups, connected in part to fluctuations in the exchange rate. Settlers identified the declining value of the Persian monetary unit, *qiran* (or *gran*, as it was spelled in the materials of periodical press) in relation to the ruble as a key factor in their decision to migrate. For example, in 1894, three *qirans* were equal to one ruble, but in 1898 five *qirans* were equal to a ruble. This monetary rate decrease made migrant labor profitable: having earned a hundred rubles, on his return home a Persian worker could exchange this money for 500 *qiran*, sufficient to buy a small house and a plot of land.¹¹ The number of Persian migrants steadily increased across the late 19th century: 630 migrants were recorded in 1882, rising to 2,000 by 1903, according to official data.¹²

This was the largest community of Persians in the North Caucasus, as evidenced by data provided by I.V. Kryuchkov on the Stavropol and Black Sea provinces and the Kuban region. The largest Persian community in these three regions, that of the Black Sea province, numbered just 300. In the early 20th century, the size of the Persian community in these regions grew, reaching 1,390 in the Black Sea province and 168 in the Stavropol province by 1914.¹³ The agrarian character of these provinces and the small number of towns evidently reduced their attractiveness to Persians, so the communities consisted mainly of young and middle-aged men, arriving as migrant workers without families. In Vladikavkaz, too, it was initially only men who came in search of jobs,¹⁴ but in subsequent years the community grew through the arrival of women and children. By the end of the 19th century, Persians were moving to Vladikavkaz with their families,

---

¹⁰ A. Mamedli, and L.T. Solov'yeva, *Azerbaydzhantsy* (Moscow: Nauka Publ., 2017), 644.

¹¹ *Priazovskiy kray*, no. 45 (1898).

¹² Z.V. Kanukova, *Diaspory v Osetii...* (Vladikavkaz: SOIGSI VNTS RAN Publ., 2009), 114.

¹³ I.V. Kryuchkov, *Ekonomicheskiye i migratsionnyye svyazi Tsentral'nogo Predkavkaz'ya i Severo-Zapadnogo Kavkaza s Persiyey v kontse XIX – nachale XX vv.*, 62

¹⁴ TSGA RSO–A, f. 11, op. 17, d. 98, l. 11.

as evidenced by the *vodvoritel'nye svidetel'stva* issued to all family members, kept in the archives.¹⁵

In Vladikavkaz, Persians occupied specific economic niches in trade, craft industries, domestic services, and as commercial agents. The 1897 census shows that the Persians included large numbers of construction workers and brickmakers, as well as shoemakers, bakers, and small traders.¹⁶ Among urban services, the quintessentially 'Persian' niches were barbers and bath houses, where Persians served as 'rubbers.'¹⁷ At the other end of the economic spectrum, Vladikavkaz had Persian-owned brick factories and large stores on the best streets of the city.

Another source for studying the economic activities of the Persian community is petitions of Persian nationals for the adoption of Russian citizenship and the issuance of *vodvoritel'nye svidetel'stva*. These petitions, preserved in the archive of North Ossetia – Alania, included a mandatory indication of the type of economic activity of the petitioner. For example, in 1908–1911, there were petitions from the following Persian nationals: Mirza Hussein Ali-oglu, Mammad Ismail Haji Abdul Ali-oglu, Asadula Agadzhanov, Jabar Afrasiyab-oglu, Mammad Ibrahim Mammad Hussein-oglu, Haji Agha Haji Mahomed Hussein-oglu, Mukhtar Vali oglu, all of whom were predominantly engaged in grocery trade.¹⁸ Meanwhile, Ali Mammad Taghi-oglu was engaged in the manufacture and sale of children's toys; Mashhad Ahmed Ali Askar-oglu was a beekeeper; and Hussein Kuli Reset-oglu was a bathhouse attendant.¹⁹ Other sources also confirm that Persians were engaged in the cultivation of orchards and fruit trade at the market, and cooking and selling Persian confectionery.

In 1877 in Vladikavkaz, there were 15 Persian trade establishments.²⁰ About a third of Persians, who applied for the Russian citizenship in 1908–1915, had a shop or brick factory in Vladikavkaz.²¹ Local newspapers wrote more than once about Persian grocery shops, and the Persian monopoly in sugar, sweets, spices and dried fruits, tea houses, and taverns.²² In Vladikavkaz there was a 'Persian house,' which was the local center of women's crafts, and a shop for the production of the Persian carpet, a prestigious cultural object. Carpets and fabrics were also brought from Persia for sale.

The Persian community had a heterogeneous social composition, including peasants, craftsmen, impoverished nobility, big merchants and 'brick' tycoons. In diverse ways, they all became adapted to the urban economy and culture of Vladikavkaz as well as the new way of life.

The Shia mosque in Vladikavkaz

The various ethnic diaspora groups followed a common pattern in developing community structures in the new setting. The first step was to erect a religious building – a church, a mosque, a synagogue, a Protestant church, a Catholic church, or a house of

¹⁵ TSGA RSO–A, f. 11, op. 15, d. 887, l. 43.

¹⁶ N.A. Troynitskiy, *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. Terskaya oblast'* (Saint Petersburg: Center for Statistical Commission Publ., 1905).

¹⁷ *Terskiye vedomosti*, no. 5 (1896).

¹⁸ TSGA RSO–A, f. 11, op. 15, d. 919, l. 1; *Ibid.*, d. 920, l. 1; *Ibid.*, d. 887, l. 1; *Ibid.*, d. 888, l. 1; *Ibid.*, d. 1416, l. 1; *Ibid.*, d. 1417, l. 1; *Ibid.*, d. 1191, l. 1.

¹⁹ *Ibid.*, d. 1119, l. 2; *Ibid.*, d. 1252, l. 1; *Ibid.*, d. 1189, l. 2.

²⁰ G.I. Kusov, *Vstrechi so starym Vladikavkazom*, 75.

²¹ TSGA RSO–A, f. 11, op. 15, d. 1209, l. 2; *Ibid.*, d. 1419, l. 1–2; *Ibid.*, d. 141. l. 2; d. 1424, l. 2–3.

²² *Terskiye vedomosti*, no. 5 (1909).

prayer. Usually this building would include a national school, a trusteeship or charitable society, a theater group, or other form of intra-ethnic communal organization.

In the Persian community, the adaptation processes were different. They, too, undertook the construction of the religious temple – the Shia mosque – at the start of their adaptation process. Like other ethnic communities of Vladikavkaz, in 1868, they applied to the head of the Terek region, count M.T. Loris-Melikov, and Vladikavkaz mayor E.F. Lebedev, for a plot of land and a permission to build a mosque, so that they could ‘pray to God in their native language.’ According to the *Appeal of the Vice-Consul of His Imperial Majesty Persian Shah of the Terek and Dagestan regions Yahya Khan to the Head of the Terek region, the appointed hetman of the Terek region Sergei Yevlampievich Tolstoy* (dated 8 February, 1900), not earlier than 1870, the head of the Terek region count Loris-Melikov gave his permission to build a mosque.²³ This fact is also confirmed by other archival documents in which mayor A.F. Frolkov specified that permission was given by M.T. Loris-Melikov in 1868–1869.²⁴

The Shia mosque was thus built, but it did not become the national center of the community because it was also attended by other Shia, “Persian citizens of Russia,” most often Azerbaijanis. The Muslim clergy of the Shia doctrine reported to the Orenburg Spiritual Assembly, which could not exercise control at such a far distance. Therefore, the Russian administration subordinated it to the Ministry of Internal Affairs, and the regional administration considered it appropriate to gather all the Shia population of Vladikavkaz, Persians and Azerbaijanis, in one mosque. The parish was subordinated to the Transcaucasian Sheikh-ul-Islam, and the mullah was elected according to the ‘Charter of Spiritual Affairs of Foreign Confessions,’ also subject to approval by the head of the Terek region.

This decision was a political one: as official documents confirm, the Russian administration considered it necessary to keep the activities of the Muslim clergy of the North Caucasus under its control.²⁵ However, the religious policy of the Russian government did not take into account the ethno-cultural characteristics of the parishioners, and as a result, its intrusive measures led to a split. Azerbaijanis complained about great inconveniences in performing religious rites, and Persian mullahs, who did not speak their language, could not keep church registers or perform ceremonies. Azerbaijanis asked to establish their parish at a mosque with a mullah who spoke their language and knew their customs. At the meeting of the whole parish, which was attended by 58 Azerbaijanis and 148 Persians, it was agreed to establish a new parish and a mullah – Haji Mullah Ismail Hasan-oglu, an Azerbaijanian from the Elizabethtopol province, was elected to oversee it. Under the pressure of the city administration, this decision was accepted by all the parishioners present.²⁶ But a year later, in May 1902, Persians protested and stopped paying money for the maintenance of the Azerbaijani mullah, raising the question of building another mosque. The Persians defended their rights as the founders and curators of the mosque. In addition, they represented the majority of the parish and vast-

---

²³ TSGA RSO–A, f. 11, op. 17, d. 98, l. 8.

²⁴ *Ibid.*, l. 11.

²⁵ *Ibid.*, l. 6.

²⁶ *Ibid.*, l. 2.

ly outnumbered Azerbaijanis. Persians considered the right to choose a Persian mullah, capable of praying in their native language, to be their legitimate privilege.

As this situation illustrates, diaspora communities conceive of religious buildings not only as the locus of religious functions, but also as a vital space for intra-ethnic communication and an ethnic identity center. The Persians of Vladikavkaz considered it important to spend leisure time in a mosque with their own countrymen and to communicate in their native language. Because this right was contested, it was the Persian Consulate rather than the mosque that came to function as the center of community life.

The Persian Consulate in Vladikavkaz

Consular services were obliged to support a wide range of contacts between Russia and Persia, including the protection of the nationals of their state. These functions were initially performed for Persians in Vladikavkaz by the Consulate General of His Majesty the Shah of Persia in Tiflis and the Consulate of his Majesty the Shah of Persia in Astrakhan. Yahya Khan was Vice-Consul. But in the late 1890s the growth of the Persian population made it necessary to establish a Consulate of His Imperial Majesty the Shah of Persia for the Terek and Dagestan regions in Vladikavkaz itself. This consulate formed the backbone of the Persian community, as opposed to other ethnic groups in Vladikavkaz whose community life centered on the temple.

It was through the efforts of the Persian Vice-Consul for Terek and Dagestan, Mirza Davud Khan, that the only Persian school in the North Caucasus was opened in Vladikavkaz. In July 1902, Khan appealed to the regional administrator of the Terek region and the appointed hetman of the Terek Cossack army and expressed concern about the lack of conditions for teaching Persian children. He asked for permission to open a Russian-Persian school at the Vice-Consulate and he took responsibility for its maintenance.²⁷ The high status of the Consul, his good relations with the authorities of the Terek region, and his responsibility for the school's financial oversight fostered the success of this initiative. At the end of 1902, a two-year school, called '*Navruz*' was opened, based on the 'new method' of Muslim education popularized in Russian Islamic regions by Ismail Gasprinski's reform movement. These schools differed from traditional madrasas and maktabas in the topics of study, combining the basics of the Mohammedan faith with secular academic disciplines such as arithmetic, natural science, Russian and some foreign languages, were taught in the schools. Restricted to boys, *Navruz* offered courses in Russian and Persian. Davud Khan became the honorary caretaker of the school, in charge of its financial support. Haji Mola Ali Haji Mohammed Ali Zadeh, who had received religious education in Tabriz, for many years worked as a teacher of law; Persian national Mirza Hussein Khan was a teacher of the native language. In 1906–1912, *Navruz* was headed by teacher Bahadin-Bahish-Bek Kocharlinsky.²⁸

Another initiative of Davud Khan was the welfare society for poor Persian nationals in Vladikavkaz and the Terek region, founded in 1907. This organization, *Himmat*, aimed at 'delivering funds to improve the material and moral condition of poor

²⁷ TSGA RSO–A, f. 147, op. 1, d. 41, l. 3.

²⁸ Ibid., f. 123, op. 2, d. 538.

Persian nationals without regard to sex, age, rank, status, or religion.’²⁹ The Society assumed the obligation to assist the poor and orphans in concrete ways, such as the supply of clothing, food, and accommodation, and it was also authorized to issue monetary aid and provide ‘assistance in finding employment or service for those in need, in acquiring materials and tools for their work and in the profitable sale of the products of poor workers.’³⁰ *Himmat* guaranteed medical aid, ‘payment for treatment in hospitals, assistance in the burial of the dead, putting the elderly and the infirm in nursing homes or alms-houses, putting minors in orphanages, shelters, in craft and educational institutions.’³¹ Those wishing to return to their homeland could also count on the aid of their compatriots. In addition to charitable contributions, the society budget included the proceeds from hosting literary readings, lectures and concerts.

Ethnic structures of everyday life

The infrastructure created by the community allowed Persians to lead their traditional ritual life and preserve ethnic traditions in everyday life. Male Persians wore short coats, wide trousers, felt cloaks, felt hats, sheepskin hats. Many men maintained the tradition of dying their beards in fiery red color using henna.³²

Persian women also kept their traditional clothes. They wore long voluminous skirts, short coats, velvet jackets embroidered with braid. Home featured carpets, jugs, national dishes. The main ritual Persian dish was the pilaf of several kinds, stuffed with meat, raisins, dried apricots and various spices; and the sweet pilaf with cinnamon and saffron. A popular drink was sherbet, which was made for the holidays. Persians cooked large quantities of halva, Turkish delight, and other sweets, and eventually their national cuisine spread to the public catering system.

The available sources clearly show the national festive culture of Persians, the main event in which was *Navruz*, the New Year – the main celebration of the times of the Achaemenid dynasty and the Sasanian dynasty. Despite the pre-Islamic, Zoroastrian origins of this holiday, over time it took root in the Muslim holiday calendar. After the establishment of Islam, Persian authorities tried to prohibit it, but failed, due to its deep roots in popular culture. The Persians of Vladikavkaz would celebrate this holiday for three days. On the first day, there were official festive ceremonies. People gathered in the mosque for a festive prayer and then visited the Persian Consulate for a reception. After the public prayer, Persians would organize a procession with national music and flowers, decorated with Persian artisanal crafts.

During the festival, the Vice-Consul, accompanied by officials of the Consulate, went out to meet the festive column, and received congratulations. His duty was to remind the audience of the history of the holiday. For example, in 1903, Vice-Consul Davud Khan told the audience that Persian king Rjamshid decided to bring thanksgiving for the victories, and established the annual feast day in the palace, where every-

---

²⁹ TSGA RSO–A, f. 199, op. 1, d. 3, l. 8.

³⁰ *Ibid.*, f. 199, op. 1, d. 3, l. 8.

³¹ *Ibid.*, d. 27, l. 1–4.

³² M.D. Betoyeva, and L.D. Biryukova, *Istoriya Vladikavkaza (1781–1990 gg.). Sbornik dokumentov i materialov* (Vladikavkaz: Adygeya Publ., 1991), 98.

one could come, including the poor, to feast. On that day, the king sat at the same table with ordinary people, gave money and gifts to everyone present, asked them about problems and helped poor people. He demanded that his subjects – high-ranking officials, heads of regions – should arrange festive dinners, and he allocated them certain amounts for money to help the poor, a tradition preserved from antiquity. The meeting with the Consul concluded with the performance of the Persian anthem, after which all the participants were treated to the traditional drink – *sherbet*. However, as a rule, only honored guests were invited to festive dinners in the apartment of the Vice-Consul in Vladikavkaz.³³ These guests were traditionally treated to national sweets. During the holidays, there were mutual visits, gift exchanges and charity events.

In addition to the official part of the festival, there was also a ‘home celebration,’ which Persians prepared in advance. Along with traditional festive dishes, families would traditionally cook sprouted wheat grains on a beautiful plate decorated with ribbons and braid. This tradition symbolized the coming of the New Year. The feast would begin with a prayer; people remembered and announced the names of the loved ones who had gone to a better world. Peacekeeping and mutual forgiveness of insults were also important holiday features.

Persians also celebrated another important holiday, *Kurban Bayram* or *Eid al-Kurban*, which was the main yearly celebration of all local Sunni and Shia Muslims, celebrated in the month of *Dhu 'l-Hijjah* (the 12th month by the Muslim lunar calendar). The feast of sacrifice, established in the first year of the Hegira, was associated with the well-known Muslim tradition surrounding God’s test of prophet Ibrahim through the death of his son Ismail, accompanied by a ritual of sacrifice and prayer. The Persians of Vladikavkaz followed the custom of giving a treat, first of all, the meat of the sacrificial animal, to their relatives, acquaintances and those in need. The traditions of mutual exchange of gifts and visiting friends and relatives and graves of the deceased were preserved.

Of particular importance in the culture of Persians was the day devoted to mourning the death of Ali and his sons Hassan and Hussein. This day was celebrated during the first month of the year by the Muslim lunar calendar. The official events were supervised by the Persian Consulate, a public prayer was held in the Shiite mosque. At night Persians would pray and recall the story of Ali, Hassan and Hussein, and the details of their tragic death.³⁴

The retention and manifestation of the ethnic identity and ties with the historical homeland can be traced not only in the religious life, but also in secular national holidays related to the history of the state. Persians commemorated the anniversary of the Persian Constitution, the coronation of Persian rulers, and other state holidays, in order testify to the existence of close contacts between Persians and their homeland, all of which were classic habits of a diaspora. In July 1914, they celebrated the day of accession to the throne of Sultan Ahmed Shah, the ruler of Persia. In the mosque, decorated with national flags, they held a solemn prayer, after which the participants of the ceremony were invited to the Consulate for lunch. For Persian workers, the celebration of the Coronation Day was also arranged.³⁵

³³ *Kavkaz*, no. 76 (1903); *Terskiye vedomosti*, no. 31 (1898).

³⁴ *Terskiye vedomosti*, no. 18 (1885).

³⁵ *Ibid.*, no. 30 (1885).

The Persians of Vladikavkaz also celebrated the ‘Day of Granted Freedoms.’ Mass protests and opposition, which included almost all segments of the Iranian population, combined with the fear of the possible influence of revolutionary events in Russia in the early 20th century, left Shah Mozaffar-ed-din no choice but to expand the rights of his Persian subjects. He was forced to assemble the Mejlis and adopt the Constitution that spelled out the fundamental rights and freedoms of Iranian citizen. The Persian mosque celebrated the ‘Day of Granted Freedoms’ by hosting an official reception, which was attended not only by Persians, including patriotic Persian students, but also by representatives of the multinational intelligentsia of Vladikavkaz, such as representatives of the Vladikavkaz public administration and the Vladikavkaz student society.³⁶

Persians also retained the traditional ritualism of the family and life cycle. After giving birth to a child, a woman would go to her parental home for up to 40 days, during which period the child was not shown to strangers; after that, a ritual of sacrifice was performed and guests were invited. The traditional wedding ceremonies were also preserved. A groom’s relatives would come for the bride and bring wedding gifts, which included sugar and the outfit for the bride. The groom’s brother would perform the ceremony of tying of a red belt on the bride’s waist. In the mosque, the mullah would read a blessing prayer, after which the wedding would continue in the groom’s house. At the entrance to the groom’s house, another ritual of sacrifice was performed, and the bride was to step over the sacrificial lamb. The bride would traditionally sit at the women’s table, the groom would sit with his friends. In the morning after the wedding, the bride’s relatives would bring traditional sweets to the groom’s house. At the end of life, there was also the Muslim funeral rite. The deceased was buried before sunset, laid on the right side. The memorial day was Thursday, no alcohol was allowed at the memorial and the feast always ended with a ritual tea party and prayers.

Persian interactions with the alien cultural environment

Despite the preservation of many elements of the traditional culture and pronounced ethnic identity in different cultural and religious environment, the Persian community was not a closed one. Persians’ active participation in commerce led to wide contacts with the local population. Persians were integrated into the atmosphere of religious tolerance established in Vladikavkaz; they not only established economic contacts but also concluded marriages with the local population. It is noteworthy that the Vice-Consul, Davud Khan, was married to a member of Ossetian Muslim nobility, Aza Tuganova.³⁷

Persians were actively involved in charitable activities beyond their own welfare society, *Himmat*. The financial reports of the Vladikavkaz Charitable Society indicated the names of donors, which included groups of Persian nationals.³⁸

Persians were open to interethnic communication; they were not isolated in their community; neither were they fanatics of the Shia faith. There were cases of their conversion to Orthodoxy. An archive has preserved the correspondence between the Vladikavkaz city police chief and the rural dean of the Vladikavkaz Transfiguration (Ca-

---

³⁶ *Terskiye vedomosti*, no. 59 (1899); TSGA RSO–A, f. 212, op. 1, d. 3, l. 11–12.

³⁷ TSGA RSO–A, f. 574, op. 1, d. 314.

³⁸ *Ibid.*, f. 212, op. 1, d. 3, l. 12.

thedral) Church, dated November and December 1865, at the request of Persian national Kadr Rasul oglu Soukhbalashsky, residing in Vladikavkaz, which demonstrates the adoption of Orthodoxy by local Persians. According to the resolution of Archpriest Fyodor Antoniev, the rite of baptism performed on a Persian named Constantine 'by Archpriest Akso Koliev, the rural dean of the Ossetian Church of Nativity of the Blessed Virgin Mary of Vladikavkaz who spoke Oriental languages.'³⁹ In the petition of a Persian national Alikper-Kurban Ali oglu for a placement certificate, issued on 27 June 1913, he indicated his Orthodox faith and his baptismal name, Alexis.⁴⁰ Similar cases were recorded in other districts of the Terek region. For example, in the Report of the chief of the Kumyk District to the head of the Terek region dated 2 February, 1868, it was stated that Persian national Agadzhamah-Haji-Erase Oglu, who lived in Khasavyurt, expressed a desire to adopt Orthodoxy.⁴¹ Perhaps such episodes, as well as the cases of adoption of Russian names by Persians,⁴² should be explained as an instrument of adaptation to a new life, a rational solution to individual issues.

In the first decades of Soviet power, the policy towards national minorities was quite favorable. During the New Economic Policy, Persians revived their entrepreneurial activity; they adapted to the new political regime through such institutions as the national party section and 'national minority clubs.' In the years that followed, the policy changed, and many diasporas became the object of reprisals. The Persian Consulate was closed. Most Persians left Russia, the rest consolidated with Azerbaijanis. The Shia mosque was closed by the Council of People's Commissars of the North Ossetian ASSR on the basis of the resolution 'On religious associations' passed by the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR on April 8, 1929. The City Council supported this resolution, referring to the split of the Shia community on an ethnic basis.⁴³ However, other diaspora structures were still preserved for some time. Until 1935, in Vladikavkaz, there was a school where children were taught in the native language; in 1935–1936 there were some Azerbaijani 'national minority clubs' and the Azerbaijani Communist Party section, which also involved Persians.

Conclusion

The activity of religious, educational, charitable and economic organizations and institutions created by the Vladikavkaz community of Persians were closely connected with each other. Common tasks such as the integration into the different cultural environment, the consolidation of the community retention of ethnic identity, the promotion of positive interethnic interaction, ensuring material and social well-being of the community members, and the transfer of ethno-cultural values to the younger generation, united the community.

All major national communities of Vladikavkaz formed diaspora structures under the scheme of religious, charitable, cultural and educational societies. Persians had

³⁹ TSGA RSO–A, f. 12, op. 1, d. 201, l. 1–1 ob., 3–3 ob.

⁴⁰ Ibid., f. 11, op. 15, d. 911, l. 2.

⁴¹ Ibid., f. 12, op. 1, d. 12, l. 25–29.

⁴² Ibid., f. 11, op. 15, d. 1418.

⁴³ Ibid., f. 629, op. 2, d. 32, l. 45.

another important institution, the Consulate, which, in addition to its immediate tasks, performed regulatory and communicative functions.

Despite the fact that Persians represented both an ethnic and ethno-confessional community, the main component of the community infrastructure was the Consulate, rather than the mosque. The confessional community of the Persian Shia (Persians and Azerbaijanis), which was perceived by the surrounding world as a single entity, was in fact split and its members did not want to attend the same mosque. They demanded that a second parish be organized, or a second mosque be constructed; they simultaneously created two different charitable societies. For Persians and Azerbaijanis, the national principle was more important than the religious one; as a result, each community created its own institutions of ethnic consolidation. This case confirms that in the conditions of an alien ethnic environment, if a national church cannot function as a center of communication, that role may pass to other institutions of the diaspora.

In the history of Ossetia, the Persian community has left its mark: even today, Vladikavkaz is decorated with a beautiful building of Oriental architecture, used as a planetarium during the Soviet period, as well as the old Persian bath house, and the Persian Consulate, where national holidays were celebrated.

The study of the history, historical experience of daily life, social and cultural practices and behavioral strategies of the Persian population of Vladikavkaz proves the successful adaptation of Persians to their host society and the formation of synergetic mechanisms of daily life. Moreover, Persians were able to accomplish this goal while retaining their ethnic and cultural identity.

Рукопись поступила: 13 февраля 2019 г.

Submitted: 13 February 2019

Библиографический список

- Айларов А.Э.* Азербайджанцы в Республике Северная Осетия – Алания // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2014. Вып. 11. С. 216–220.
- Арутюнов С.А.* Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 74–78.
- Бетоева М.Д., Бирюкова Л.Д.* История Владикавказа (1781–1990 гг.): сборник документов и материалов. Владикавказ: Адыгея, 1991. 1022 с.
- Дятлов В.* Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. Независимый научный журнал. 1999. № 1. С. 8–23.
- Канукова З.В.* Диаспоры в Осетии: исторический опыт жизнеустройства и современное состояние. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2009. 234 с.
- Канукова З.В.* Диаспора: функциональный анализ термина в российском историографическом контексте // Вестник Владикавказского научного центра. 2011. Т. 11. № 4. С. 23–28.
- Канукова З.В.* Презентация Программы научных исследований «Иран и Российский Кавказ: исторические параллели и современные тенденции» // Иран и Северный Кавказ: история и перспективы сотрудничества: материалы Международной научно-практической конференции. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2018. С. 72–75.
- Каземи К.Ш.* Исследование роли Иранского консульства во Владикавказе в создании обстановки мирного сосуществования и развитии ирано-российского сотрудничества: культурно-цивилизационные рамки // Иран и Северный Кавказ: история и перспективы сотрудничества: материалы Международной научно-практической конференции. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2018. С. 68–69.

- Калирад А. Поднятие красных флагов: гражданская война в России в докладах Консульства Ирана во Владикавказе // *Иран и Северный Кавказ: история и перспективы сотрудничества: материалы Международной научно-практической конференции*. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2018. С. 66–67.
- Кусов Г.И. Встречи со старым Владикавказом. Владикавказ: Алания, 1998. 328 с.
- Крючков И.В. Экономические и миграционные связи Центрального Предкавказья и Северо-Западного Кавказа с Персией в конце XIX – начале XX в. (на примере Ставропольской губернии, Черноморской губернии и Кубанской области) // *Иран и Северный Кавказ: история и перспективы сотрудничества: материалы Международной научно-практической конференции*. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2018. С. 62–65.
- Мамедли А., Соловьева Л.Т. Азербайджанцы. М.: Наука, 2017. 708 с.
- Тишков В.А. Единство в многообразии. Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2008. 232 с.
- Туаева Б.В. Города Северного Кавказа: общественно-культурная среда во второй половине XIX – начале XX в. Владикавказ: Изд-во СОИГСИ, 2008. 151 с. (Серия «Первая монография»).
- Туаева Б.В. Локальная история: особенности культурной и общественной жизни городов Северного Кавказа во второй половине XIX – первой трети XX века. Владикавказ: Изд-во СОИГСИ, 2010. 237 с.
- Туаллагов А.А. Дарьял – «Ворота алан» // *Известия СОИГСИ*. 2018. № 27 (66). С. 15–29.
- Тройницкий Н.А. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Терская область. Т. 68. СПб: Изд-во Центр. стат. ком., 1905. 262 с.
- Хубулова С.А., Хаблиева Л.Ч., Дзотцоева З.Е., Магоматов С.С. Персидско-подданное население Терской области в социально-экономических и культурных процессах второй половины XIX – начала XX века // *Былые годы*. 2018. Вып. 49 (3). С. 1224–1236.

References

- Aylarov, A.E. “Azerbaydzhantsy v Respublike Severnaya Osetiya – Alaniya.” *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh*, no. 11 (2014): 216–220 (in Russian).
- Arutyunov, S.A. “Diaspora – eto protsess.” *Etnograficheskoye obozreniye*, no. 2 (2000): 74–78 (in Russian).
- Betoyeva, M.D., and Biryukova, L.D. *Istoriya Vladikavkaza (1781–1990 gg.). Sbornik dokumentov i materialov*. Vladikavkaz: Adygeya Publ., 1991 (in Russian).
- Dyatlov, V. “Diaspora: popytka opredelit’sya v ponyatiyakh.” *Diaspory*, no. 1 (1999): 8–23 (in Russian).
- Kanukova, Z.V. “Diaspora: funktsional’nyy analiz termina v rossiyskom istoriograficheskom kontekste.” *Vestnik Vladikavkaz Scientific Center*, no. 4 (2011): 23–28 (in Russian).
- Kanukova, Z.V. “Prezentatsiya Programmy nauchnykh issledovaniy ‘Iran i Rossiyskiy Kavkaz: istoricheskiye paralleli i sovremennyye tendentsii’.” In *Iran i Severnyy Kavkaz: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Vladikavkaz: SOGU Publ., 2018 (in Russian).
- Kazemi, K.Sh. “Issledovaniye roli Iranskogo konsul’stva vo Vladikavkaze v sozdanii obstanovki mirmogo sosushchestvovaniya i razvitiia irano-rossiyskogo sotrudnichestva: kul’turno-tsivilizatsionnyye ramki.” In *Iran i Severnyy Kavkaz: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Vladikavkaz: SOGU Publ., 2018 (in Russian).
- Kalirad, A. “Podnyatiye krasnykh flagov: grazhdanskaya voyna v Rossii v dokladakh Konsul’stva Irana vo Vladikavkaze.” In *Iran i Severnyy Kavkaz: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Vladikavkaz: SOGU Publ., 2018 (in Russian).
- Khbulova, S.A., Khabliyeva, L.Ch., Dzotsoyeva, Z.Ye., and Magomarov, S.S. “Persian-citizen population of the Terek region in the socio-economic and cultural processes of the second half of XIX – early XX centuries.” *Bylye Gody*, no. 3 (2018): 1224–1236 (in Russian).

- Kusov, G.I. *Vstrechi so starym Vladikavkazom*. Vladikavkaz: Alaniya Publ., 1998 (in Russian).
- Kryuchkov, I.V. “Ekonomicheskiye i migratsionnyye svyazi Tsentral’nogo Predkavkaz’ya i Severo-Zapadnogo Kavkaza s Persiyey v kontse XIX – nachale XX v. (na primere Stavropol’skoy gubernii, Chernomorskoj gubernii i Kubanskoj oblasti).” In *Iran i Severnyy Kavkaz: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Vladikavkaz: SOGU Publ., 2018 (in Russian).
- Mamedli, A., and Solov’yeva, L.T. *Azerbaydzhantsy*. Moscow: Nauka Publ., 2017 (in Russian).
- Tishkov, V.A. *Yedinstvo v mnogoobrazii*. Orenburg: Tsentr OGAU Publ., 2008 (in Russian).
- Tuayeva, B.V. *Goroda Severnogo Kavkaza: obshchestvenno-kul’turnaya sreda vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* Vladikavkaz: SOIGSI Publ., 2008 (in Russian).
- Tuayeva, B.V. *Lokal’naya istoriya: osobennosti kul’turnoy i obshchestvennoy zhizni gorodov Severnogo Kavkaza vo vtoroy polovine XIX – pervoy treti XX vekov*. Vladikavkaz: SOIGSI Publ., 2010 (in Russian).
- Tuallagov, A.A. “Dar’yal – ‘Vorota alan’.” *Izvestiya SOIGSI*, no. 27 (66) (2018): 15–29 (in Russian).
- Troynitskiy, N.A. *Pervaya Vseobshchaya perepis’ naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. Terskaya oblast’*. Saint Petersburg: Center for Statistical Commission Publ., 1905 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Канукова Залина Владимировна, доктор исторических наук, директор Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН.

Zalina V. Kanukova, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Director of North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies, Abaev Vladikavkaz Scientific Center of Russian Academy of Science.

Туаева Берта Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории, проректор Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова.

Berta V. Tuaeva, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor at the Department of Modern National History, Vice Rector at North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov.